

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛОЛОГА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
И ТОПОНИМИКИ КРАЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОИСЕЕВА

УДК 81'42

С. В. Коростова

**Диалектизмы как репрезентанты функционально-семантического поля
эмотивности в художественном тексте (на материале романа М. А. Шолохова
«Тихий Дон»)**

Статья представляет собой прагмалингвистическое исследование диалектных слов и выражений, маркирующих в художественном тексте поле эмотивности. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества отражается в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» и в авторском повествовании, и в диалогах персонажей, где репрезентированы диалектизмы-эмотивы разных уровней языковой системы. Рассматриваются диалектные особенности выражения эмоций героями романа, а также специфика лексических и синтаксических средств, предназначенных для представления и описания эмоций в языковом пространстве текста Шолохова.

Ключевые слова: диалектная картина мира, микрополя эмотивности в художественном тексте, эмотивный диалог.

Вопрос о функционировании диалектизмов в языке художественной литературы и их восприятии тесно связан с проблемой структурирования смыслового пространства текста. Нельзя не согласиться с утверждением Г. Я. Солганика, что «для художественного эффекта важно не только **как** относится писатель к содержанию изображаемого, но и **что** из описываемой действительности получает отражение в произведении» [1, с. 105]. Особое художественное значение в текстах произведений М. А. Шолохова приобретает эмотивный фрагмент действительности, детализированность представления которого определяется авторским знанием диалектной картины мира донских казаков.

Уникальность диалектной картины мира донского казачества, ее лингвокультурная специфика обусловлены тем, что свою модель мира оно выстраивает в соответствии с накопленным предшествующими поколениями опытом, со своими историческими, культурными, диалектными и другими особенностями. Восприятие современным читателем эмотивного фрагмента действительности, отраженного в диалогах персонажей Шолохова, представляет собой сложный процесс вовлечения в метаязыковую деятельность, поскольку диалектная лексика и фразеология не всегда получают авторское толкование в самом тексте. Иногда писатель комментирует эмотивную ситуацию, давая интерпретатору возможность создать образное представление о событии, и отчасти раскрывает семантику эмотивно-оценочного диалектного слова, например: ...*Митька, перегнувшись в седле, открыл калитку, въехал на баз. Его с крыльца окликнула старуха.*

— *Ты, забурунный, чего прибег?* — спросила она с видимым неудовольствием. *Недолюбливала старая отчаянного и драчливого Митьку.*

Конфликтность ситуации нагнетается в речи персонажа за счет использования диалектного эмотивно-оценочного обращения *забурунный*, которое в Словаре русских донских говоров толкуется как «скандальный, вздорный, драчливый; беспокойный» [2, т. 1, с. 161]. Последнее предложение в авторском комментарии является своеобразным толкованием используемого эмотивно-оценочного диалектизма.

© Коростова С. В., 2015

Рассматривая диалектизмы как репрезентанты функционально-семантического (ФСП) поля эмотивности, обратимся к структуре самого поля. Структура функционально-семантического поля эмотивности определяется, на наш взгляд, его полицентричностью, предполагающей отсутствие в его центре такой грамматической категории, которая концентрировала бы в целостной системе специализированное и регулярное выражение данной функции, т.е. функции выражения эмоций.

Все языковые средства реализации ФСП эмотивности отражают эмоции, чувства, переживания говорящего в речи. Об этом пишет В. И. Шаховский, рассматривая эмотивные приращения смысла в речи как косвенные показатели «виртуальных эмотивных сем семантики языковых единиц» [3, с. 10]. Нельзя не согласиться с утверждением ученого о том, что потенциальные эмотивные семы языковых единиц в речевых ситуациях (чаще в конфликтных и предконфликтных. — С. К.) являются основой для новых эмотивных валентностей, а это, в свою очередь, подтверждает гипотезу «о бесконечности состава речевых, т.е. некодифицированных эмотивов (эмотивно окрашенных единиц), базой которых является потенциальная бесконечность и открытость лингвистических множеств» [3, с. 10—11]. Таким образом, функционально-семантическое поле эмотивности опирается в процессе актуализации в речи на экстралингвистические параметры ситуации, которая оценивается как эмотивная адресантом и воспринимающим эмотивное высказывание интерпретатором. Общие фоновые знания о ситуации и об аксиологическом статусе языковых единиц определяют эффективность коммуникации, в том числе и литературной, где поле эмотивности проецируется на текст в виде эмотивно-оценочных смыслов, исходящих от автора-повествователя и интерпретируемых читателем. Эмотивный текст, эмотивное высказывание представляет собой «координированное единство прагматических и когнитивных структур сознания» [4, с. 20], именно общая эмотивная направленность диалогов персонажей способствует реализации прагматического потенциала эмотивных языковых единиц, в том числе и диалектизмов.

Полицентричность эмотивности связана с существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального.

Первое микрополе (зона) эмотивности — **микрополе импульсивности** — актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т.е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит, реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлексивного, причем не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого. К таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные фразеологизмы и фразеосхемы эмотивного характера, включая устойчивые сравнения, которые не связаны с пропозициональным и коммуникативным содержанием высказывания. Поле импульсивности актуализируется за счет введения в текст романа диалектной обцененной лексики и фразеосхем-аффективов, например, в конфликтной ситуации, участниками которой становятся Григорий Мелехов и его отец:

- *За что, батя?*
- *За дело, су-у-у-кин сын!..*
- *За что?*

В микрополе **эмотивной оценочности**, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» типа *Какой прекрасный вид!*, коммуникативы типа *Где наша не пропадала!* и т.п.). Диалектные бранные слова в эмотивном диалоге способствуют нейтрализации конфликтной ситуации,

негативного эмоционального напряжения ее участников. Например, эмотивная реакция Аксиньи в диалоге с Пантелеем Прокофьевичем: — **Ты что меня учишь! Иди свою толстазадую учи! На своем базу распорядись!.. Я тебя, дьявола хромого, культяпого, в упор не вижу!.. Иди отсель, не спужаешь!**

Микрополе **прагматической эмотивности**, так же как и поле эмотивной оценочности, может быть представлено нечленимыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника (например: *Еще чего не хватало! Ишь ты!*). Кроме коммуникативов (коммуникем) в названное микрополе могут входить восклицательные и вопросительные предложения, энантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы [5, с. 29—30]. Как показал анализ текста романа «Тихий Дон», языковые средства, в которых доминирует рациональное начало, могут быть введены как в авторское повествование, так и в речь персонажа, их основной функцией является описание эмоционального состояния героя. Например: Григорий сжал кулаки, посмотрел на вздувшиеся синие вены. *И эти руки свяжут? Вся кровь бросилась ему в лицо. Нет, сегодня он не пойдет туда! Завтра — пожалуйста, а сегодня он сходит в хутор, проживет этот день с детьми, увидит Аксинью и утром вернется в Вешенскую. Черт с ней, с ногой, которая побаливает при ходьбе. Он только на один день сходит домой — и вернется сюда, непременно вернется. Завтра будь что будет, а сегодня — нет!*

В диалогах персонажей романа реализуются преимущественно средства репрезентации микрополя импульсивности (как правило, в конфликтных ситуациях) и микрополя эмотивной оценочности. Диалектные слова и выражения маркируют названные зоны эмотивности в зависимости от степени интенсивности актуализирующихся в диалогах эмоций персонажей.

Внешняя и внутренняя речь героев романа дает представление об их эмоциосфере, о чувствах и аффектах, которые становятся показателями духовного мира персонажей. Внимание к внутреннему миру личности для произведений, написанных в годы сталинского режима, к которым и относится роман «Тихий Дон», когда сама личность выполняла роль винтика в механизме тоталитарного государства, не было типичным. Герои настойчиво призывали: «Будь, как я, и только тогда ты обретишь счастье». Ведь и само понятие счастья для человека в таком состоянии, когда его сознание направлено не внутрь себя, а «на благо общества», состоит в поиске внешних опор. М. А. Шолохов убеждает, что именно личность, ищущая внутреннее «я», должна взять на себя ответственность за происходящее в окружающем ее мире и за собственное счастье. Этот процесс невозможен без глубокого самоанализа, самооценки. Главный герой романа Григорий Мелехов пытается разобраться в своих чувствах, воссоздавая те ощущения, которые испытывал в прошлом, например:

Аксинья неотступно была в его мыслях; полузакрыв глаза, мысленно целовал ее, говорил ей откуда-то набредавшие на язык горячие и ласковые слова, потом отбрасывал это, шагал под счет — раз, два, три; память подсовывала отрезки воспоминаний: «Сидели под мокрой копной... в ендове свиристела турчелка... месяц над займищем... и с куста в лужину редкие капли вот так же — раз, два, три... Хорошо, ах, хорошо-то!..» («Тихий Дон», кн. 1).

Насыщенность диалектной лексикой позволяет повествователю создать достоверный образ героя, не только говорящего, но и думающего, чувствующего, вспоминающего фрагменты своего прошлого так, как если бы он доверительно рассказывал своему другу

о переживаемом эмоциональном состоянии. Автор использует диалектные слова, характеризующие пространство и животный мир Дона: *ендова*, *турчелка*, *займище*, *лужина*. В Словаре языка Михаила Шолохова *ендова* определяется как ‘сырое место, поросшее лесом’ [6, с. 350], а *займище* — ‘заливной луг’ [6, с. 374)]. Причем и диалектизм *займище*, и диалектное слово *лужина* (увелич. к *лужа*), *турчелка* (‘сверчок’ [7, с. 535]) представляют собой субъективно-оценочные формы и лексемы, часто употребляемые в речи донских казаков.

Повествователь в романе «Тихий Дон» являет собой обобщенный образ донского казачества, именно поэтому третьеличный нарратив представляет собой несколько преобразованную речь самих казаков, насыщенную диалектными словами и выражениями. Например:

...От высыхающей степной музги, из горелой коричневой куги взлетывает белокрылый чибис. Он с криком летит в лощину; поворачивает голову, смотрит изумрудным глазом на цепь повозок, обтянутых белым, на лошадей, кудрявящих пыль копытами, на шагающих по обочине людей в белых, просмоленных пылью рубахах. Чибис падает в лощину, черной грудью ударяет в подсыхающую, примятую зверем траву — и не видит, что творится на дороге. А по дороге так же громыхают брички, так же нехотя переступают запотевшие под седлами кони; и лишь казаки в серых рубахах быстро перебегают от своих бричек к передней, гремятся вокруг нее, стонут в хохоте.

Пейзаж создает ритм повествования, задает интонацию покоя и размеренности жизни героев, говорит о состоянии их души, их эмоциях. Следя за птицей, повествователь рисует широкую пейзажную картину, в которой основной акцент сделан на дороге, на казаках, едущих на воинскую службу. Диалектные слова *музга* (‘заболоченное озеро’ [2, с. 146]), *куга* (‘камыш озерный’ [2, с. 96]) и глагольные формы, характерные для речи донских казаков, — *взлетывает*, *гремятся* позволяют рассказчику показать динамичность и в то же время обыденность ситуации, воспринимаемой героями как часть их жизни.

С первых страниц «Тихого Дона» Шолохов стремится сохранить подлинность разговорной речи казаков. Герои романа говорят, что думают и чувствуют, и так, как думают. Возможно, в этом причина того, что синтаксис конструкций внешней и внутренней речи и их лексическое наполнение диалектными формами и лексемами не имеет кардинальных различий, особенно если содержание передано прямой речью. Например:

(1) *Пантелей Прокофьевич подумал, что им отказывают, — загорячился:*

— Оно само собой — дело хозяйское... Жених, он навроде старца, где хошь просит. А уж раз вы, к примеру, ищите, может, купецкого званья жениха аль ишо что, то уж, совсем наоборот, звиняйте...

(2) *...Тёк Пантелею Прокофьевичу в уши патокой свашенькин журчливый голосок. Слушал старик Мелехов и думал: «Эк чешет, дьявол, языкастая! Скажи, как чулок вяжет. Петлюет — успевай разуместь, что и к чему! Иная баба забьет и казака разными словами... Ишь ты, моль в юбке!» — любовался он свахой, пластавшейся в похвалах невесте и невестиной родне, начиная с пятого колена.*

Заметим, что и на этапе внутренней речи, и на этапе вербализации сохраняется типовое значение эмотивных синтаксических конструкций: «Ишь ты + какая/какой/ + негативно-оценочная номинация!» (может быть передано удивление, одобрение/неодобрение, восхищение/возмущение в зависимости от ситуации) (ср. *Ишь ты, благородный какой! Сгинь, сукин сын!...*; *Ишь ты, курва, мало тебя били!...*; *Ишь, джигит нашелся, мать твоя курица*). Очевидно, статусные отношения в казачьей среде определяют невозможность вербализации положительной оценки по отношению к женщине: в этом случае мелиоративная оценка может быть отражена только в речи внутренней. Диалект-

ное устойчивое сочетание *моль в юбке* находит отражение в словаре, причем представлена эмотивная интенция адресанта — «насм.-одобрит.»: ‘дотошная, въедливая женщина’ [6, с. 539]. Находясь в состоянии аффекта, говорящий выражает только негативное эмоциональное отношение к адресату, поэтому в типизированной конструкции оценочная номинация становится избыточной: *...На Марфушке-дурочке женю!.. Я те выхолюцу!.. Ишь ты!...* В других приведенных в качестве примеров конструкциях используются диалектные бранные слова и эмотивно-оценочные выражения с негативным значением: *курва* — Бран. ‘гулящая женщина’ [6, с. 493], эвфемизм *мать твоя курица* — ‘Мать (ее, твоя) курица, Мать (вашу) курицу’. Матер. ‘Ты что?’ Употр. в нецензурных матерных выражениях [6, с. 523].

Диалоги между жителями одного хутора, как и казачьи песни, «разыгрываются», причем перформативность коммуникации проявляется в оценочных высказываниях, включающих прибаутки, дразнилки и прозвища, на которые следует реакция адресата. Как правило, сценарий такой эмоциональной ситуации включает в себя определенный языковой код, интерпретируя который читатель получает представление о коммуникантах. В качестве ключевых слов часто используются диалектизмы или личные существительные негативно-оценочной семантики. Авторские комментарии к такой ситуации оказываются семантически избыточными: эмоциональные состояния участников диалога отражены в оценочных высказываниях. Автор лишь уточняет психологические характеристики говорящих и их отношений. Например:

Митька приезжал с отцом и работниками с поля, — не умываясь и не скидывая с намозоленных ног тяжелых полевых чириков, проходил к Наталье в горницу, подсаживался. Изводить сестру было для него большим удовольствием.

— *Вяжешь?* — коротко спрашивал он и подмигивал на пушистые махры шарфа.

— *Вяжу, а тебе чего?*

— *Вяжи-вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.*

— *За что?*

— *За здорово живешь, — я Гришку знаю, друзьяки с ним. Это такой кобель — укусит и не скажет за что.*

— *Не бреши уж! Кубыть, я его не знаю.*

— *Я-то подюжей знаю. В школу вместе ходили.*

Типичная для донских говоров этикетная формула «Здорово живешь» в словаре характеризуется как ‘приветствие в любой час дня, здравствуйте, здравствуй’ [7, с. 187], в эмотивном диалоге приобретает значение обстоятельства простого действия, сравнимого с произнесением приветствия — «просто так, без причины». Устойчивые эмотивно-оценочные сочетания *за здорово живешь, укусит и не скажет за что*; оценочная лексема, негативно характеризующая мужчину, — *кобель* (1. Самец собаки, очень злой (о человеке). 2. Похотливый мужчина) [2, с. 90]; диалектные формы *замест* (предлог *вместо*) [2, с. 9], *кубыть* (вроде, как будто, употребляется для усиления, подчеркивания чего-л) [6, с. 488], *подюжей* (*дюжей* — сравнительная степень к *дюже* — очень, сильно [6, с. 347]), *бреши, друзьяки* создают атмосферу домашней перебранки, в которую вступают близкие родственники и которая не имеет последствий, поскольку она не является конфликтной, но свидетельствует о равнодушии членов одной семьи друг к другу.

Вводя диалектизмы, характерные для донских говоров особенности речи, в свои произведения, М. А. Шолохов не только создавал колорит Донского края и речевые портреты персонажей, отражая диалектную картину мира донских казаков, но и сохранял эти слова, а благодаря им и эмоциональный опыт казачества, для последующих поколений читателей.

Список использованной литературы

1. Солганик Г. Я. О речевой структуре романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» (часть I) // Шолоховские чтения: материалы XIII Международной конференции : в 2 ч. / под общ. ред. Е. И. Дибровой. М., 2012. Ч. 1. С. 104—125.
2. Словарь русских донских говоров : в 3 т. Ростов-на-Дону, 1975—1976.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.
4. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
5. Коростова С. В. Эмотивность как категория художественного текста // ФИЛОЛОГОС. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. Вып. 14 (3). С. 28—36.
6. Словарь языка Михаила Шолохова / гл. ред. Е. И. Диброва. М., 2005.
7. Большой толковый словарь донского казачества / под ред. В. И. Дегтярева и др. М., 2003.
8. Шолохов М. А. Собрание сочинений : в 8 т. М., Т. 1—4, 1985—1986.

Поступила в редакцию 25.05.2015 г.

Коростова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
E-mail: svetolen@yandex.ru

UDC 81'42

S. V. Korostova

**Dialectisms representing functional-semantic field of emotivity
(on the basis of M. A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don")**

The article is a pragmalinguistic research of dialectic words and expressions, marking the field of emotivity in the text of fiction. The emotive fragment of the dialectic world view of the Don Cossacks is depicted in the novel of M. A. Sholokhov "And Quiet Flows the Don" both in the author's narration and in the dialogues of the characters, where dialectisms-emotives of different levels of the language system are represented. The paper studies the dialectic peculiarities of the characters' emotive speech, lexical and syntactical means of describing emotions in the verbal matrix of Sholokhov's novel.

Key words: dialectic world view, microfields of emotivity in the text of fiction, emotive dialogue.

Korostova Svetlana Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Southern Federal University
Russian Federation, 344006, Rostov-on-Don, ul. Bolshaya Sadovaya, 105/42
E-mail: svetolen@yandex.ru